

Василий Гурковский СВИДЕТЕЛЬ

СВИДЕТЕЛЬ

*Я не участник той страшной
Войны (Великой Отечественной)
Я только её Свидетель...*
Василий Гурковский

В виде пролога:

Недавно мы все отпраздновали очередную годовщину со дня окончания Великой Отечественной Войны (1941–1945 г.г.). Более семи десятилетий наша страна живет мирной жизнью, по большому счету. По большому, потому, что за этот период прошло довольно много локальных войн, на различных континентах и в разных странах — Азии, Африки, Европы, Южной и Латинской Америк. Практически в большинстве из них, принимала участие (прямо или косвенно), наша страна, раньше СССР, а потом и Россия. Естественно, мы несли потери различной тяжести и в этих войнах, но, даже все вместе взятые, они не идут ни в какое сравнение с той Великой Войной.

О войне (той, Великой), столько уже написано, рассказано, снято различных фильмов и проведено исследований, что, казалось бы, — уже все знакомо, ясно и понятно, разложено по полкам и т. д. Но нет, чем дальше уходит то время, тем больше люди мысленно возвращаются к нему. Одни — с благодарностью, другие — со страхом, третьи — с надеждой, что такое больше не повторится, четвертые — мечтают о реваншах и провоцируют мир на новую войну, прекрасно понимая, что та война станет ПОСЛЕДНЕЙ для всех, в том числе и для них, пятые (проплаченные кем-то — и чужие, и чуждые — наши), пытаются по своему пересмотреть итоги Войны, как правило, подтасовывая и открыто перевирая факты, чтобы перенести все беды, принесенные ею, с больной головы на здоровую. Особенно стараются высказывать свои «мнения» те, кто родился через десятки лет после войны и, которые понятия о ней не имеют, а пользуются «материалами и документами» написанными до них, такими же, как они, или просто работают по заготовленным кем-то заинтересованным, искажающим саму суть истории, материалам.

У каждого, кто прошел или застал то время, была своя война, в конкретном месте, в конкретное время и в конкретных действиях, на разных уровнях и при разных обстоятельствах и возможностях.

Именно совокупность миллионов таких индивидуальных «войн» и есть — та, наша общая Война. Каждый видел и ощущал все её события — трагические и радостные, через призму личного к ней причастия. Поэтому и я вношу свою посильную лепту в общую копилку памяти о том Великом Времени, просто как подборку фотографий с натуры, вырванных из общего военного альбома. Здесь — ни убавить, ни прибавить, тем более, при многих живых поныне, таких же, как я, свидетелей...

У нашей семьи есть все основания считать себя и свидетелями Войны (мы с женой родились до Войны), и Детьми Войны, по той же причине, и наследниками Победителей в той Войне. Мой дед — Гурковский Гавриил Логинович, был пулеметчиком в первую мировую и в Гражданскую войнах, и так же был пулеметчиком во время Великой Отечественной Войны. Из-за тяжелых ранений не дожил до пенсии. Неоднократно был награжден и царской, и советской, властями...

Отец — Гурковский Андрей Гаврилович, призвался в армию во время финской войны, прошел от начала до конца войну с фашистской Германией, после Восточной Пруссии был направлен на войну с Японией и вернулся домой только в мае 1946 года, через шесть лет после призыва в армию. Был неоднократно ранен и

контужен. Имел 9 боевых наград и Орден Трудового Красного Знамени, за работу в народном хозяйстве после войны.

Отец моей жены — Калашников Иван Емельянович, участник Гражданской войны, кавалерист, бился с басмачами в 1918-20 годах. В начале Великой отечественной Войны, в составе 212-й стрелковой дивизии, образованной в г. Актюбинске, участвовал в боях по защите Москвы на Юго-Западном направлении. За два месяца в жестоких неравных боях, дивизия почти полностью погибла смертью храбрых, а боец Калашников получил тяжелейшее ранение и с трудом выжил. После войны он 25 лет руководил тракторной бригадой в колхозе.

Мне лично довелось пережить три года фашистской оккупации и видеть, как саму войну в натуре, так и её последствия...

Так что я выступаю, как свидетель от всех нас сразу: Что-то сам видел, что-то от родных досталось, но главное — это истинно свидетельские показания от первого лица. Себя ведь и захочешь — не обманешь. Похожая судьба была и у моих сверстников, с возрастным разбросом в 5-10 лет.

Свидетелями той Войны, были и миллионы её непосредственных участников, и миллионы тех, кто её видел, но в ней не участвовал. О войне много написано и рассказано. Много есть всевозможных

архивных данных, но у тех, кто её видел, осталось что-то своё, личное, её понимание и отношение к ней, которого ни в одном архиве не найдешь.

Я просто скажу то, что знаю, и не более того. И если где-то с 1944 года, уже сам помню большинство наиболее запоминающихся фактов, то первые годы фашистской оккупации, помню что-то отрывками, поэтому добавляю все из устного архива семьи. Может быть не всем это будет интересно, но — что было — то было, а там, как говорится, на любителя. Я не журналист, и не выдаю сенсаций. Я — Свидетель. И то, что расскажу, пусть пойдет, как обвинение захватчикам и в назидание потомкам...

Война в Слободзею, пришла в начале августа сорок первого года. Полтора месяца наши войска, сдерживали наступление фашистов от границы СССР по реке Прут, до Днестра, а потом отступили к Одессе.

Противник практически обошел с севера Тираспольский укрепрайон, форсировал Днестр и оккупировал Приднестровье. Нам, жителям села Слободзеи, большие военные операции были неведомы, но уже в начале августа, в селе были румынские войска. Румыны закрепились надолго и пробыли у нас почти три года. Судьбе было угодно познакомить нас (семью нашу) с двумя

разновидностями оккупантов, — и румынами, и немцами, но об этом попозже.

Обстоятельства сложились так, что часть наших войск, находящихся в Слободзейском регионе, чтобы не быть отрезанными от основных сил нашей армии или окруженными прорвавшейся через Днестр мощной немецко-румынской военной группировкой, была вынуждена срочно покинуть район и отступить в сторону Одессы. Немцы стремились обойти город с севера и востока, готовились крупными силами преодолеть сопротивление наших войск и занять Одессу. Там начиналась 73 — х дневная эпопея Одесской обороны, но это совсем другая тема. А в Слободзее (так получилось), на несколько дней установилось безвластие — ни наших, ни фашистов. Население, а в Слободзее его хватало и в то время, затаилось. Те, кто подлежал мобилизации — ушел с нашей армией, остались — дети, подростки, женщины и мужики непризывного возраста. Когда поняли, что наши ушли и неизвестно, когда вернутся, а фашистов пока нет — то, как бывает в таких неопределенных моментах — начали просто разбирать (читай- грабить) то, что было общественно-государственное. Кто-то бросил провокационный клич — Разбирайте, чтобы не

досталось врагам! — ну и многие ринулись «разбирать»...

Хватали все подряд, что надо и не надо. Магазины, пекарни, склады, мастерские. Здесь — главное было — успеть! Особенно досталось в этом плане Слободзейской войсковой части. Там было что брать — от кроватей-постелей и до складов с имуществом и продовольствием. Военные многое увезли с собой, но ещё больше — не смогли увезти. За других я не знаю, но два моих дяди, младший брат матери и его двоюродный брат (14 и 16 лет) тоже поучаствовали в этом процессе: успели сделать всего два рейса. За первым разом принесли домой по два противогаса, где-то закопали со страху и так до конца жизни и не нашли; вторым рейсом притащили домой огромное зеркало. Нашли его в кустах, видно у кого-то не хватило сил его забрать. Зеркало было шикарное, где-то с царских времен, толщиной миллиметров в 10 и в такой ажурной посеребренной оправе. Тяжеленное и на всю стену, от пола — до потолка. Наш сосед через дорогу, дед Максим, на ручной тележке, тоже успел сделать два рейса и привез в дом восемь или десять мешков офицерских галет (сухарей), думал им с женой на всю войну хватит... Но оказалось то были не сухари, а дрожжи... В сырой комнате, они начали разбухать, разрывать мешки, а позже из них полезли черви...

Все это было прелюдией к будущей нашей жизни при оккупации. Дольше всего люди грабили винные склады, на государственном винном пункте. Любители выпить там отоваривались по «полной» программе. Они сразу, напивались до предела, потом набирали вино в посуду и уносили с собой. Там их и застали вошедшие в село новые «хозяева»-румыны. Они с большим трудом освободили винные склады от «любителей — грабителей», стоявших уже по колена в вине, при этом им пришлось даже стрелять по бочкам.

Мой прадед Еремей, когда наши войска ушли, перешел жить в свой дом, который у него отняли при «раскулачивании» в 1929 году и устроили там колхоз им. Молотова. Приходя к нам, рассказывал, что, как только румыны вступили на территорию колхозного двора, первым делом обшарили продовольственный склад, наскребли там пару ведер кукурузной муки; тут же в большом котле сварили традиционную мамалыгу (густая такая каша), сняли колхозные ворота, вывалили на них ту мамалыгу, а потом всем подразделением, общипывали её ладонями и с радостью ели, запивая из фляжек водой от стоящего рядом колодца. Все это как бы говорило: — мы пришли и — надолго.

С этого времени в селе началась новая жизнь. В то время официально существовало как бы две Слободзеи — русская часть и молдавская часть. Со

своими отдельными управленческими органами, церквями, рынками, почтовыми отделениями и т. п. Румыны очень оперативно создали местные органы власти, может они их и раньше подготовили — не знаю. Вместо сельского совета у нас на русской части, появилась «примария», а в качестве «главы сельской администрации» — Примарь — неказистый такой, сухощавый, молодой ещё военный, но сверх активный. Звали его «Петря», наши люди за глаза, называли его «Петрика», скорее всего за маленький рост. Официально — «домнул(господин) примар» и никак иначе. Иначе скажешь — значит, будешь побит плеткой. Был у него всегда под рукой этот инструмент, кожаная сплетенная плеть, с шариком на конце. Без неё примарь не ходил по селу, никогда. И использовал её десятки раз в день, по поводу и без повода...И без разбора — старик перед ним или ребенок, прав или виноват. Все мы были только виноваты. Более полную Характеристику этого «героя», можно прочитать в материале «Примарь», как приложение к данной книге. Он не знал русского языка и за почти три года, не выучил ни одного русского слова, из принципа. Может и выучил, но не пользовался русскими словами. Зато он привез с собой где-то из-под Кишинева, бугаеподобного мужика с украинской фамилией, то ли украинского молдованина, то ли молдавского украинца,

свободно владеющего тремя языками — румынским, русским и украинским. Сделал его старостой на русской части села, то есть правой рукой в своей епархии. Если сам примарь был жестоким властелином в селе и в полной мере пользовался этим правом, так как за ним стояла королевская Румыния, законы военного времени, официальный румынский курс на колонизацию так называемой Транснистрии (Заднестровья, территории между Днестром и Южным Бугом), отданной Гитлером под административное и хозяйственное управление Румынии и дальнейшее «выселение» (читай уничтожение) «чуженационалов», то староста был просто бандитом, люто ненавидящий не только все советское, но и всех проживающих в селе людей. Не знаю, может он был когда-то наказан властью или людьми, но он всех нас, готов был уничтожить, но перед этим, еще и обобрать.

Судьбе было угодно, чтобы пути именно нашей семьи, ничем не примечательной, пересеклись по жизни с этим зверем, а потом пересекаться с ним ещё много раз. Новая румынская администрация решила заставить население работать, чтобы хоть частично возместить понесенные потери Румынией в начавшейся войне. Был издан приказ о трудовой повинности, согласно которому, лица от 16 до 60

лет, должны были работать. Прошли переписи трудовых ресурсов, обошли каждый двор и всех трудоспособных поставили на учет. И вот здесь случилось то, что случилось. Староста увидел мою маму: молодая, красивая, 9 классов образования и решил взять её к себе на работу. Договорился с примарем. Бабушка, мать моей мамы, быстро собрала кое-какие вещи, и мама ночью ушла в Одессу. Пешком. Двое дядей её сопровождали. Тогда еще можно было пробраться в город без особых проблем, тем более женщине с детьми. Пацаны через двое суток вернулись, а мама так и скрывалась у родственников в Одессе, пока не пришли наши, весной 1944года.

Через некоторое время, к нам в дом буквально вломился староста с двумя румынскими жандармами и начал кричать: — «Почему твоя дочь не выходит на работу в примарию!?» Бабушка ответила, что дочка, как узнала, что её хотят взять на работу румыны — сразу ушла из дома — куда неизвестно. Как ни измывался над ней староста — так ничего и не добился. Уходя, он пообещал нам устроить «веселую жизнь». И слово свое сдержал...

Потом, пришли румынские солдаты и застрелили нашу привязанную на цепи собаку, на второй день, пока мы были на огороде, со двора увели дойную козу. Бабушка ходила к старосте, просила, мол, и так кушать нечего, а у нас

маленький ребенок, хоть литр молока в день и то жизнь. Староста только смеялся и отсылал её к румынам — иди мол, спроси у них, только они давно твою козу съели. Потом переловили наших кур. В селе были установлены подворовые очереди на транспортные работы. Людям выпадало раз в неделю или в месяц, за чем-то ездить, что-то возить-грузить, а моих дядей посылали в поездки по два раза в неделю или раз, если далеко. В 1941 году, они, на волах с повозками, несколько недель собирали и свозили трупы румынских солдат на всем их пути от Днестра — до Одессы, и у самой Одессы. Их там столько наложили наши, что можно было бы, наверное, половину Румынии ими застелить. Потом — расстреливали евреев и коммунистов — собирали тела в большие ямы, засыпали землей, пересыпали хлорной известью. Дяди рассказывали, что местами земля ходила волнами — многих живьем бросали в те, огромные ямы. Так вот на все такие страшные и неприятные работы, староста старался послать моих дядей. Какие там «Дяди»! Одному 16, другому 14 лет! Иногда ночью он выставлял засады у нашего дома, надеясь, что мама придет проведать. Не дождался.

Постепенно жизнь в селе вошла в какой-то тыловой ритм. Фронт был далеко, на Волге. Мы ничего не знали, где, что и как. Никто нам ничего не сообщал, а внешней информации не было.

На первый Новый год в оккупации (1942), скорее всего, это было католическое Рождество, из волости приехала группа немецких солдат, спилили во дворе, где жил примарь, дерево туи, установили на стадионе возле украинской школы (примарь как раз и жил возле этой школы, в угловом доме и, наверное, был инициатором того торжества), что-то вроде ёлки, навесили на неё конфет, разноцветных бумажек, обложили соломой вместо снега. До вечера поставили часового, а с наступлением темноты, устроили себе Рождество, пели, плясали, даже стреляли. Потом подожгли солому и на машине уехали. Наблюдавшие за всем этим «празднеством» наши пацаны, бросились к «Елке» за конфетами. И тут началась беспорядочная стрельба. Немцы положили в солому под елку, несколько десятков патронов в пулеметных лентах и, когда солома загорелась — патроны начали взрываться. Слава Богу, всего двое ребят были ранены, остальные в испуге — разбежались. Кто-то видел, что немцы недалеко отъехали, стояли в переулке и наблюдали все последствия, вдоволь насмеялись, только потом — уехали.

С девяти вечера, да шести утра, в селе был установлен комендантский час. Без спецпропуска, ходить было запрещено. Ну, у нас какие могли быть пропуска!? Да и ходить чего было по ночам? Ну, конечно, если кому-то было надо,...то ходили.

Румыны патрулировали по двое: темень, грязь, никаких там у них фонарей тоже не было. Как-то раз, еще в первый год оккупации, — идет патруль, а у деда Сергея (наш сосед, через дом) куры спали (гнездились) во дворе, на вишневом дереве. Ну куры как, — спокойно сидеть не могут — ко-ко-ко, да ко-ко-ко. А тут — патруль, двое солдат с винтовками. Услышали, что куры где-то рядом — подошли. На улице — абсолютная темень и никого. Румыны поставили винтовки под стеной и, чтобы было меньше шума, один стал другому на плечи и давай тем курам шеи сворачивать. Закончили, собрали курей и ушли. Уже в конце улицы кинулись — а где винтовки!? Вернулся один из них назад — а винтовок — нет! Обшарил всю стену — нет! Отнесли курей к себе, взяли керосиновый фонарь, опять пошли к тому месту, обыскали весь дом снаружи — нету!

На другой день, где-то к обеду, эти горе-патрули, пришли к деду Сергею домой, принесли трехлитровый бутыль вина и вареную курицу (из тех, что вчера у него реквизировали). Дед Сергей был опытный человек, старый солдат, воевал еще в японскую кампанию (1904 года), был даже вахмистром. Уже много лет подряд, он вечерами всегда выходил в палисадник, садился на глиняную завалинку с торцевой стороны дома, выходящей на улицу, и там почти всю ночь сидел,

наблюдая за уличной жизнью. Он многое мог бы рассказать о ночной жизни села, но ни с кем никогда этим не делился, по причине того, что был не то не многословен, а скорее — малословен. Это именно о нем рассказала еще до войны его жена, как он приехал из Одессы, без ничего и, как ни в чем ни бывало, заявил ей (жене): «Ты знаешь, — От наш кум дурак, тилькы прийхав на Прывоз, у нього зразу волы вкралы...А у мэнэ, — аж пид вэчер!«...Так вот из него, каждое слово надо было буквально выжимать. И в тот вечер, когда румыны «реквизировали» его курей, он тоже сидел на завалинке, все видел и слышал. Когда воры ушли, он забрал их винтовки, образца времен наполеоновской армии и спрятал так, что никто об этом не узнал, пока наши не вернулись в село.

А на другой день, дед, конечно, ждал «гостей». Он сказался больным, укрылся стеганым одеялом, распарился и покраснелся. Жена побрызгала на него водой для пущей достоверности, и дед встретил вчерашних патрулей достаточно больным видом. Жили они вдвоем с бабкой, детей у них не было. Когда румыны пришли в дом, их встретила хозяйка, с трудом объяснила по — молдавски, что дед, мол, неделю лежит в постели, весь горит, наверное у него малярия или тиф, которыми он уже болел когда-то, и показала им больного в кровати. Услышав про

малярию и тиф, солдаты пулей вылетели из дома, но спросили хозяйку — не видела ли она винтовок во дворе. Слова «Мошул» (дед) и «Пушка» (ружье) никакого действия на бабушку не возымели, ибо она действительно ничего не знала. Румыны, для порядка, еще раз осмотрели весь двор и огород, понятно, что ничего не нашли. Соседей тревожить не стали, чтобы не предавать скандал огласке. Так и ушли с вином и курицей. Через несколько дней, через других патрулей, стало известно, что тех любителей курятины, на второй день арестовала румынская жандармерия, а потом их пытали в гестапо и — расстреляли, — за утерю или передачу врагам, личного оружия в военное время... Война есть война... Почему именно гестапо? Дело в том, что внешне управление в так называемой Транснистрии, вроде бы находилась в руках румынских властей, но, начиная уже с волости и выше, параллельно работали германские органы — СС, гестапо и т. п. Они не занимались экономическими и хозяйственными вопросами региона. Они выполняли надзирательно — контрольно-карательные функции с тем, чтобы их младшие друзья — румыны, не допускали каких либо стратегических (политических, военных и т. п.) ошибок.

Отличий румын от немцев (имеется в виду, армейские, военные отличия) было много. Даже

внешних. Если у немцев была современная, по тем временам экипировка солдат, современные танки, орудия и минометы, машины пехоты, самолеты, стрелковое оружие, средства защиты и наблюдения, то у румын были пушки образца начала века или прошлого столетия, таскали их по полям сражений волею. А огромные винтовки столетней давности, больше сковывали движения солдат, чем помогали в бою. Мотивация к Войне пропала у румын уже в первые три месяца после её начала. В это время, руками германских войск, пристроившись к ним в помощники, Румыния получила Бессарабию и «Заднестровье» до реки Южный Буг, то есть получила все, что можно было ей «выторговать» по максимуму у Гитлера, и на этом её мотивация закончилась, можно было и выходить из войны, так как больше румынам ничего не светило, в плане расширения королевства. Даже то, что они получили по территории, включая Одессу, было только в головах румын, а не немцев. Румыния шла в атаку на Советский Союз, двумя «волнами», первый раз под Одессой, где потеряла почти половину своей 300 — тысячной армии, второй раз — под Сталинградом в 1942 году, где её войска были разбиты окончательно. Счастье румын было в том, что они успели в конце войны «спрыгнуть с гитлеровского поезда, несущегося в пропасть» и

выступить на стороне СССР, против Гитлера. Во время войны по Слободзее гуляла частушка:

Антонеску дал приказ, —
Всем румынам — на Кавказ.
А румыны — ласэ, ласэ (ладно, ладно)
Ла каруца, ши — акасэ (на повозку — и домой).
И припев: А румын — он не дурной —,
Ноги в руки и — домой!

Эта небольшая песенка, как нельзя лучше отражала желание рядовых румын, воевать вместе с немцами против России.

Особым отличием румынских солдат от немецких, — была их ментальность. Немецкий солдат никогда и ничего на нашей территории не воровал. Он все просто забирал, как свое, мог при этом быть жестоким, убить любого, но он даже не думал, что он ворует. Он считал, повторяю, что брал «свое»...положенное ему.

У румын воровство — болезнь, я говорю о военном времени. Что днем во дворе увидят — ночью обязательно своруют, какую-то тряпку, рубашку, брюки, лопату, грабли, молоток, да что угодно. Мои дяди за войну подросли и специально издевались над ночными ворами — положат, к примеру, топор во дворе, исправный, а вечером заменят на разбитый — все равно унесут. Думаю,

это не проходит со временем. Уже через много лет, въезжая в Румынию, на погранично-таможенных постах, проводники российских поездов, всегда прятали от «проверяющих» мыло, полотенца, туалетную бумагу — потому, что все это и ему подобное, обязательно исчезало после проверок и досмотров на румынских границах. Менталитет, что ли такой...простите, но это так и было!

За три года оккупации, наши люди хорошо усвоили, что румынские солдаты и чиновники, — ленивые, жадные, продажные и завистливые. Они завидовали немецким военным, которые по ротации, появлялись у нас или были на лечении. Завидовали тому, что немцы, наступая и занимая новые территории, постоянно грабили и наживались, посылали регулярно домой дорогие посылки, а здесь в Приднестровье, у них (румын) не было никакого «навара», что с нищих возьмешь!? А поехать куда-то они не имели ни права, ни возможности — за переход условной границы в Бессарабию — тюрьма, за переход границы через Южный Буг — расстрел...Отсутствие мотивации, они возмещали на людях. Убивать без суда, им запрещалось, так как надо было кому-то работать и не только кормить армию, но давать какие-то доходы, поэтому они разряжались тем, что били...Били людей при выгоне на работу, били на самой работе и после неё. Но, видимо, подспудное